
ЛОГИКА СЕГОДНЯ

Г. В. Карпов

ПРАВИЛА ВЫВОДА В ИМПЕРАТИВНОЙ ЛОГИКЕ*

Аннотация: В статье анализируются наиболее влиятельные неформальные концепции императивного вывода с точки зрения их прагматической и логической приемлемости. Парадоксы императивного вывода объясняются методологической установкой параллелизма, которой придерживалось большинство исследователей. Отказ от параллелизма позволяет приступить к формулировке прагматических правил для императивов, гарантирующих их эффективное использование.

Ключевые слова: императив, императивный вывод.

Abstract: The article provides the analysis of pragmatic and logical adequacy of the most influential informal conceptions of imperative inference. The paradoxes of imperative inference are explained in terms of fallacious methodological stand of parallelism. Refutation of parallelism allows to proceed to formulate pragmatic rules govern effective use of imperatives.

Keywords: imperative, imperative inference.

Со второй половины 40-х годов XX в. специалисты в области логики, прагматики, аргументации и философии языка периодически начинают поднимать вопрос о возможности вывода одних неописательных предложений из других. Из тех, кто стоял у истоков этого направления исследований, прежде всего следует назвать Альфа Росса и Ричарда Хейра. Каждый из них задал свой собственный вектор исследований неописательных предложений (императивов прежде всего): Хейр в своей статье «Императивные предложения»¹ и книге «Язык морали»² определил позитивное направление исследований; Росс в статье «Императивы и логика»³ заложил основание негативных или критических исследований императивного вывода. Все последующие изыскания так или иначе можно вмести́ть в рамки одного из этих направлений.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 11-03-00601а. Автор выражает признательность анонимному рецензенту, замечания и комментарии которого принесли ему и его тексту большую пользу.

¹ Hare R. M. Imperative Sentences // Mind. New Series. Vol. 58. 1949. N 229. P. 21–39.

² Hare R. M. The Language of Morals. Vol. 2. Oxford, 1952.

³ Ross A. Imperatives and Logic // Philosophy of Science. Vol. 11. Jan., N 1. P. 30–46.

© Г. В. Карпов, 2013

1. Правила императивного вывода Хейра

Хейр обратил внимание на то, что логики чаще, чем кто бы ни было, старались не видеть в императивах достойный изучения объект. Именно логики, с его точки зрения, со своим критерием истинности как основанием самой возможности говорить о некотором предложении вытеснили императивы сначала из области непосредственно логических исследований, а впоследствии и из области научных исследований вообще. Вместе с тем, отмечает Хейр, различие между императивами и индикативами в отношении способа установления истинности не должно быть камнем преткновения для логического исследования, так как среди его главных вопросов находится не только вопрос об условиях истинности предложения, но и вопрос об условиях следования одного предложения из другого. Следование же возможно не только между описательными предложениями (или индикативами), но и между императивами.

Эту мысль, неизменно подкрепленную ссылками на различные способы употребления команд, просьб и других императивов, мы находим практически в каждой статье, посвященной данной теме. Например, Гектор Кастанеда в статье «Императивные рассуждения» отмечает, что мы используем союзы «так как», «следовательно» и т. п., связывая императивы друг с другом или с описательными предложениями: «Так как сейчас он очень занят, будьте добры, присядьте и подождите»; или: «Это лучшее, что ты можешь сейчас предпринять, так что берись за это дело не сомневаясь». Мы используем императивы в конструкциях, *напоминающих* обычный логический вывод (или являющихся таковым), например: «Если Джон сделает это, Пол, вырази свое несогласие; Джон сделал это; Пол, вырази свое несогласие»⁴.

Хейр был убежден в принципиальной возможности исследования логики императивов⁵. Росс объявлял императивное следование невозможным в силу наличия параллелизма между дедуктивными схемами для императивов и индикативов и из-за ряда парадоксов, возникающих вследствие этого. Для Хейра параллелизм логических, дедуктивных свойств императивов и индикативов был положительным моментом, который не требовал какого-то преодоления; наоборот, он единственно и позволял вести речь о соответствующей логике.

Основания подобного взгляда мы находим в следующем: и императивы, и индикативы описывают некоторое положение дел, вторые — как уже ставшее, первые — как то, что только еще подлежит реализации. Все они, таким образом, обладают общей частью, которую Хейр называет дескриптором (*descriptor*), и различаются спо-

⁴ *Castaneda H. N. Imperative Reasonings // Philosophy and Phenomenological Research. Vol. 21. 1960. N 1. P. 21–49.*

⁵ Он буквально писал о том, что императивы нужно «спасать», так как изучение их логики немедленно принесет свои плоды: ввиду того, что содержание императивов представлено знанием о том, что и как нужно делать, — они имеют непосредственное отношение к этической и юридической проблематике. Более того, внесение императивов в область логических исследований позволит выяснить логические правила не только этических и юридических высказываний, но и любых рецептурных высказываний вообще: «Любое правило есть императив», — замечает Хейр.

собом приведения дескриптора в действие. Хейр называет этот способ словом *dictor*⁶. (В дальнейшем мы увидим, что эта точка зрения на структуру императива косвенно будет служить источником ряда парадоксов, возникающих при попытке сформулировать правила вывода.)

Если некоторая дедуктивная схема применяется к индикативам, то она может быть применена и к императивам путем замены соответствующих *dictor*-частей. При этом вывод (и правила вывода, регулирующие переходы от посылок к заключению в том случае, если и те и другие образованы соединением дескрипторов с императивными *dictor*-частями) ничем не отличается от вывода для индикативов. *Dictor*-частям, таким образом, отказано в «логической» природе: они не могут быть той причиной, по которой высказывания противоречат друг другу или связываются отношением логического следования. Например, если имеет место !A, то ему будет противоречить !¬A⁷; пара !A и ¬!A не находится в отношении противоречия⁸.

Так как в области индикативов мы можем перейти от посылок A∨B и ¬A к заключению B, то аналогичный переход возможен и в случае императивов: !(A∨B) и ¬!A дают !B. Предположим, пишет Хейр, я говорю кому-то: «Используй пилу или топор» и, обеспокоившись тем, что человек может пораниться, если возьмется за топор, добавляю: «Нет, не бери топор»; несомненно, слышавший мои слова, немедленно выведет отсюда то, что я попросил его пользоваться пилой⁹.

Бернар Вильямс обращает внимание на то, что схемы императивного вывода, предложенные Хейром, в действительности являются схемами деонтического вывода, так как они опираются на понятие наличия разрешений и обязанностей в отношении некоторого действия¹⁰.

Андрэ Гомбай, пытается отстоять императивный *modus tollens* Хейра¹¹.

Подобный взгляд на императивы, разумеется, ставит того, кто его придерживается, в довольно затруднительное положение. Действительно, так как в классической логике

⁶ Позднее Хейр будет использовать термин *phrastic* вместо *descriptor* и термины *tropic* или *neustic* вместо термина *dictor*. См.: *Hare R. M.* 1) *The Language of Morals*. Vol. 2; 2) *Some Alleged Differences between Imperatives and Indicatives* // *Mind*. Vol. LXXVI. 1967. P. 309–326. Вандервекен в своей иллокутивной логике, «генетически» и исторически связанной с проектами логики императивов, будет называть *phrastic* пропозициональным содержанием, а *tropic* или *neustic* — иллокутивной силой. См., например: *Searle J. R., Vanderveken D.* *Foundations of Illocutionary Logic*. Cambridge, 1985.

⁷ Здесь и далее мы будем стараться, где это возможно, придерживаться нотации, в которой A, B, ..., A₁, B₁, ... обозначают описательные предложения (или индикативы), а !A, !B, ..., !A₁, !B₁, ... — императивы. A, B, ..., A₁, B₁, ... могут обозначать также описательные части императивов, дескрипторы, по ранней терминологии Хейра (знак «!»), таким образом, обозначает *dictor*). Буквы A, B, ... указывают на действия, совершение которых соответствует выполнению !A, !B, ...

⁸ *Hare R. M.* *Imperative Sentences*. P. 28.

⁹ *Ibid.* P. 31.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Williams B. A. O., Geach P. T.* *Imperative Inference* // *Analysis*. Vol. 23. Supplement 1. 1963. P. 30–42.

¹¹ См.: *Gombay A.* *Imperative Inference and Disjunction* // *Analysis*. Vol. 25. 1965. N 3. P. 58–62.

А влечет $A \vee B$, то в логике императивов должно быть так, что $!A$ влечет $!(A \vee B)$. Впрочем, этот парадоксальный вывод (получивший впоследствии имя «парадокс неотправленного письма»¹²), на который Хейр обращает внимание вслед за Россом¹³, не заботит его так сильно, как самого Росса, и большинство тех, кто занимался исследованием императивной логики в дальнейшем. Хейр убежден в том, что логический переход от $!A$ к $!(A \vee B)$ мнимо парадоксален, так как он основывается на нашей убежденности в том, что если команда 1 влечет команду 2, то в любом случае исполнение 2 обозначает и исполнение 1. Однако в ситуации с письмом подобная точка зрения как раз и приводит к парадоксу, так как очевидно, что выполнение $!B$ («Сожги письмо») несовместимо с выполнением $!A$ («Отправь письмо»). Следование, таким образом, по мысли Хейра, опосредовано возможностью выполнения императива-заключения: если этой возможности нет, в силу возникающего в таком случае противоречия, то нет и следования.

Хейр не видит необходимости в создании специальной логики для императивов, так как императивы наряду с индикативами являются полноценными объектами логического вывода (вследствие наличия у тех и других общей описательной части) и подчиняются общим для них логическим правилам.

Общие соображения, имеющие отношения к существу концепции Хейра, критика самой возможности приписывать императивный *dicto* к дедуктивным описательным схемам вывода дана Альфредом Маккеем¹⁴.

2. Проекты императивной логики Росса

Проблему, сложившуюся вокруг императивов, Росс обозначил как дилемму Йоргенсена, по имени датского ученого, автора одной из первых статей, посвященной императивам и логике¹⁵. Суть дилеммы сводится к существованию противоречия между реальным употреблением императивов в составе рассуждений, напоминающих логический вывод, и видимого отсутствия у них характеристик, аналогичных истинностным характеристикам описательных предложений. Решение дилеммы, предложенное самим Йоргенсеном и Вальтером Дубиславом — немецким логиком и философом науки первой трети XX в., а именно: $!A$ влечет $!B$ в том случае, если описательная часть первого влечет описательную часть второго, Росс находит неудовлетворительным, видя в этом источник заведомо проигрышной стратегии редукционизма — сведения значения императива к истинностному значению.

Разрабатывая возможные варианты решения дилеммы Йоргенсена, каждый из которых связан с выбором нового кандидата на роль заместителя истинностной характеристики, Росс предпринимает попытку строительства части содержательной теории, которая могла бы описать переходы от одних императивов к другим. Эти

¹² Где $!A$ =«Отправь письмо», а $!B$ =«Сожги письмо».

¹³ Ross A. Imperatives and Logic. P. 38.

¹⁴ См.: Маккей А. F. Inferential Validity and Imperative Inference Rules // Analysis. Vol. 29. 1969. N 5. P. 145–156.

¹⁵ См.: Jørgensen J. Imperatives and Logic // Erkenntnis. 1937/1938. N 7. P. 288–296.

переходы во многом повторяют правила вывода классической логики, однако их основанием выступает критерий удовлетворения в одном случае (трактуемый как истинность описательного предложения, входящего в состав императива), и субъективная обоснованность — в другом (где содержание соответствующего описательного предложения соотносится с психологическим состоянием агента). Другими словами, императив получает значение «удовлетворен» тогда, когда соответствующее положение дел имеет место в действительности; императив субъективно обоснован, когда он состоялся именно как императив. Соответственно Росс предлагает проекты двух логик для императивов: логики удовлетворения и логики субъективной обоснованности.

2.1. Логика удовлетворения (*logic of satisfaction*)

В основе проекта лежат следующие правила:

- отрицанием для !A является !¬A (1);
- !(A∧B) влечет !A/!B (2);
- !A влечет !(A∨B) (3);
- !(A→B) и !A влекут !B (4).

Так как отрицание императива должно менять характеристику «удовлетворен» на «не удовлетворен» (подобно тому, как отрицание истинного описательного предложения дает ложное описательное предложение), Росс заключает, что отрицанием удовлетворенного императива «Закрой дверь» является императив «Не закрывай дверь», получающий значение «не удовлетворен».

Правило (1) указывает на то, какие императивы следует признавать несовместимыми друг с другом, но оно не может быть использовано в качестве нормативного правила, предписывающего необходимый переход от утверждения одного императива к отрицанию другого и наоборот: !A и !¬A не связываются отношением логического следования.

Отношением логического следования связывают императивы правила (2), (3) и (4). Правило (2) тривиально. В самом деле, если «Выполни A и B» удовлетворено и положение дел, описываемое содержательной частью каждого из двух императивов, имеет место в действительности, то «Выполни A» также удовлетворено.

Правило (3) формально корректно, так как удовлетворенность !(A∨B) может быть получена реализацией любой из предложенных альтернатив: достаточным основанием для того, чтобы считать «Выполни A или B» удовлетворенным является удовлетворенность «Выполни A».

Рассуждение, согласное с правилом (4), Росс называет корректным, демонстрируя это примером: «Люби самого себя», «Люби своего ближнего так же, как себя», следовательно, «Люби своего ближнего»; удовлетворение посылок позволяет оценить заключение как удовлетворенное.

Обратим внимание на то, что критерий удовлетворенности !(A→B) и сама природа этой конструкции не до конца ясны: в самом деле, будет ли удовлетворен этот императив, если ни предложение A, ни предложение B не будут истинными предложениями? Очевидно, что в случае импликации даже описательная часть импера-

тива не может интерпретироваться ни в терминах истинности, ни в эрзац-терминах удовлетворенности — $!(A \rightarrow B)$ не может быть удовлетворено, т. е. исполнено, при отсутствии положения дел A и B .

Впрочем, и сам Росс указывал на то, что большинство этих правил тривиальны¹⁶; их использование для осуществления императивного вывода едва ли возможно, так как они лишь описывают положение дел *post factum*, а не задают правила для возможных выводов. Соглашаясь с этим, мы все же ставим под сомнение бесспорность правила № 1 и обоснованность правила № 4.

2.2. Логика субъективной обоснованности (*subjective validity*)

В основе проекта лежат следующие правила:

- отрицанием для $!A$ является $\neg!A$ (5);
 $!A \wedge !B$ влечет $!A$ (6);
 $!A$ влечет $!A \vee !B$ (7);
 $!A \rightarrow !B$ и $!A$ влекут $!B$ (8).

Эти правила структурно отличаются от правил логики удовлетворения: здесь конъюнкция и дизъюнкция соединяют уже не только описательные части императива, а сами императивы целиком. Связано это с тем, что теперь в центре внимания оказывается наличие или отсутствие самого факта осуществления императива, а не соответствие описательной части императива действительности.

Правила (5) и (6) не вызывают серьезных нареканий, хотя и являются тривиальными. Так, правило (5) говорит о том, что если осуществлен $!A$, если он признается субъективно обоснованным, то $\neg!A$ объявляется неосуществленным; правило (6) — о том, что если осуществлено $!A \wedge !B$, то тем самым осуществлено и $!A$. Рассмотрим подробнее сомнительные, на наш взгляд, правила (7) и (8).

В правиле (7) утверждается, что субъективно обоснованный $!A$ влечет дизъюнкцию $!A \vee !B$, которая также субъективно обоснована. Однако это едва ли возможно, так как формально правило не указывает на какие бы то ни было основания, связывающие между собой содержание предложений A и B . Вероятно, это правило, представленное в таком виде — $!A$ влечет $!A \vee \neg!A$ — имеет какой-то смысл, однако напрямую этот смысл никак не связан с теми рассуждениями, которые мы осуществляем, используя императивы.

Правило (8) вызывает сомнения в своей имплицитивной части: формальное отличие $!A \rightarrow !B$ от $!(A \rightarrow B)$, где последняя формула является посылкой правила (4), содержательно никак не закреплено: предлагая в качестве интерпретации для $!A \rightarrow !B$ предложение «Если ты должен любить самого себя, то ты должен любить и своего ближнего тоже» («If you are to love yourself, you are to love your neighbor too»), а для $!(A \rightarrow B)$ — «Если тылюбишь самого себя, то ты должен также любить и своего ближнего» («If you love yourself, you are also to love your neighbor»), Росс в действительности различает не $!A \rightarrow !B$ и $!(A \rightarrow B)$, а $!A \rightarrow !B$ и $A \rightarrow B$. При этом, $!A \rightarrow !B$ не удастся избежать всех тех трудностей, на которые мы указывали в отношении $!(A \rightarrow B)$.

¹⁶ Ross A. Imperatives and Logic. P. 40.

2.3. Соединение логик удовлетворения и субъективной обоснованности

Наиболее обещающе могло бы выглядеть, по мнению Росса, предположение о необходимости объединения подходов логики удовлетворения и логики субъективной обоснованности, заимствующее от первой *структурную составляющую* правил вывода, а от второй — собственно *значение* субъективной обоснованности.

Но, как утверждает Росс, комбинация структурных правил логики удовлетворения со значением субъективной обоснованности в случае конъюнкции и дизъюнкции невозможна:

$!(A \wedge B)$ не влечет $!A$;

$!A$ не влечет $!(A \vee B)$.

Осуществляя $!(A \wedge B)$, мы наделяем свойством субъективной обоснованности императивную конъюнкцию целиком, при этом $!A$ и $!B$ по отдельности могут и не обладать данной характеристикой. Равным образом субъективно обоснованный $!A$ обоснован сам по себе, он ни имплицитно, ни явно не содержит некоторую дополнительную информацию, которую правило предлагает фиксировать в высказывании $!(A \vee B)$.

Импликация, объединяющая императивы в рамках этого предположения, также не дает правила, так как $!(A \rightarrow B)$, по мнению Росса, предполагает то, что A уже имеет место, однако вторая посылка в обсуждаемом правиле следования говорит лишь о субъективной обоснованности, а не об удовлетворении $!A$.

Единственным правилом, основание которого выглядит прочным, Росс признает правило для отрицания — переход от субъективно обоснованного $!A$ к $!\neg A$, лишенному субъективной обоснованности. Тем не менее Росс указывает на то, что источником данного правила выступает скорее не предложенные им теоретические соображения, а тот простой факт, что никто сознательно не отдает одновременно противоречащие друг другу указания.

Вывод Росса неутешителен: интуитивно правильные императивные выводы являются лишь псевдологическими схемами, которые подтверждаются наборами описательных предложений, отсылающих к конкретным психологическим состояниям агентов.

Использование корпуса правил логики субъективной обоснованности для осуществления вывода возможно, однако все же не следует рассматривать сам вывод в этом случае как сугубо императивный, несмотря на то, что логические связи здесь понимаются как связи именно между императивами, а не между содержаниями императивов. Императивы могут быть частью логического вывода только в том случае, если им ставится в соответствие некоторое описательное предложение; если значение императива истолковывается в иных терминах, не предполагающих существование истинностной характеристики, то возможен лишь псевдологический вывод, основанный на лингвистической интуиции агента, как в случае отрицания содержания императива, рассмотренного выше.

3. Императивная логика Кенни

В статье «Практический вывод» Энтони Кенни обращает внимание на то, что Росс, предложив в качестве основного понятия будущей логики императивов субъек-

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

ективную обоснованность, подошел благодаря этому почти вплотную к тому, чтобы полностью отказаться от параллелизма императивов и дескриптивов¹⁷. К сожалению, Росс, по мнению Кенни, не использовал весь потенциал этого понятия, так как незаметно для себя, обсуждая логику субъективной обоснованности, периодически возвращался на позиции полной аналогии с истинностью описательного предложения¹⁸.

Рецепт императивной логики Кенни заключается в привлечении в качестве основного понятия, регулирующего вывод, понятия *удовлетворительности* (satisfactoriness), которое подобно понятию субъективной обоснованности связывает императив не с реальным положением дел, непосредственно или опосредовано, а с «внутренним миром», пропозициональными установками говорящего. Удовлетворительным Кенни предлагает называть тот императив, который соответствует желаниям говорящего, вынуждающим его осуществить данный императив. Наследование этого свойства при переходе от одного императива к другому как раз и является подтверждением того, что императивы связаны отношением следования. Императив в этом случае рассматривается как определенный план или стратегия, сформулированная в виде побудительного предложения, реализация которой в будущем сделает некоторое желание или множество желаний исполненным. Удовлетворительность императива ставится, таким образом, в зависимость от его удовлетворения (которое Кенни трактует в смысле Росса), так как необходимым условием оценки императива с этой последней точки зрения является его исполнение. Следовательно, желание агента в отношении некоторого В есть также его желание в отношении некоторого А, если выполнение А есть в то же самое время и выполнение В.

Логика удовлетворительности является как бы зеркальным отображением (mirror image) логики удовлетворения Росса: если последняя повторяет классические истинностно-функциональные схемы, то первая является их полной противоположностью.

Теперь без труда можно удостовериться в том, что вывод $!(A \vee B)$ из $!A$ в логике удовлетворительности невозможен, так как неверно, что в логике удовлетворения $!(A \vee B)$ влечет $!A$. Это соображение избавляет императивный вывод, по мнению Кенни, от таких парадоксов, как парадокс неотправленного письма. В то же самое время вывод $!A$ из $!(A \vee B)$ не представляет сложности в логике удовлетворительности, так как в логике удовлетворения $!A$ влечет $!(A \vee B)$: в самом деле, при получении указания отправить или сжечь письмо, мы можем исполнить это указание, выбрав любую из предложенных альтернатив, и наш выбор при этом будет иметь логическое основание.

Подобное решение проблемы императивного вывода, хотя и решает парадокс неотправленного письма, неизбежно сталкивается с рядом других парадоксов, избавиться от которых довольно затруднительно. В частности, *modus ponens* оказывается недействительным в логике удовлетворительности для императивов, так как в логике удовлетворения неверно, что $!B$ влечет $!(A \rightarrow B)$ и $!A$. Крайне разочаровывающим следствием является также и то, что у парадокса неотправленного письма в логике удовлетворительности появляется его «брат-близнец» — вывод $!(A \wedge B)$ (например,

¹⁷ Kenny A. J. Practical Inference // Analysis. Vol. 26. 1966. N 3. P. 65–75.

¹⁸ Ibid. P. 71.

«Открой дверь и разбей окно») из !A («Открой дверь»)¹⁹, так как в логике удовлетворения, по правилу (2), справедливо, что $!(A \wedge B)$ влечет !A.

Критические замечания в отношении императивной логики Кенни можно найти в статье Питера Гитча²⁰.

4. Критика неформальных исследований императивов

Своеобразный итог исследованиям логики императивов периода середины 40-х — конца 60-х годов был подведен Йехошуа Бар-Хиллелом в статье «Императивный вывод»²¹. О работах Вильямса, Решера и Робисона, Гомбая, Оквиста он отзывается как о неудовлетворительных попытках создания логики для императивов. Все они страдают от того, что их авторы не могут различить: декларативные предложения, т. е. предложения, выражающие императивы, акты произнесения декларативных предложений, акты осуществления императивов, акты осуществления утверждений и сами утверждения, осуществляемые в этих актах. Следствием смешения этих различных объектов логического исследования являются неясность и противоречивость полученных результатов.

Например, Гомбай совершенно безосновательно считает команду в отношении куска торта²² единой, а не состоящей из нескольких частей командой. Более того, предложение, с помощью которого выражается команда, Бар-Хиллел называет «коммуникативно-девиантным», т. е. не способным выразить какую-либо команду вообще и пригодным лишь для того, чтобы быть воспринятым как шутка. Решер и Робисон неверно истолковывают высказывание «Джон, прекрати дурачиться или выйди из класса»²³ как дизъюнкцию двух команд, в то время как его следует интерпретировать так: «Джон прекрати дурачиться! Если ты не прекратишь, я потребую, чтоб ты вышел из класса», что ни в коем случае не является дизъюнкцией.

Бар-Хиллел, тем не менее, не отрицает возможности построения логики императивов. Однако начинать это построение следует с нормализации формы импера-

¹⁹ Решение этого очевидно парадоксального вывода, которое предлагает Кенни, выглядит крайне неубедительно: вывод $!A \rightarrow !(A \wedge B)$ в действительности не имеет места, так как !A здесь следует понимать в значении «именно A, но не что-то еще», т. е. !A, исходя из желания сделать некоторую содержательную интерпретацию правдоподобной, фактически безосновательно приравнивается к $!(A \wedge \neg B)$. В таком случае любой императив вида !A следует рассматривать как $!(A \wedge \neg B \wedge C \dots)$.

²⁰ Geach P. T. Dr. Kenny on Practical Inference // Analysis. Vol. 26. 1966. N 3. P. 76–79.

²¹ Bar-Hillel Y. Imperative Inference // Analysis. Vol. 26. 1966. N 3. P. 79–82.

²² Речь идет о примере императива, образованного сочетанием нескольких команд, который Гомбай приводит в качестве иллюстрации несостоятельности критических аргументов Вильямса в отношении императивных схем вывода, предложенных Хейром: «В самом деле, когда профессор Вильямс слышит: “Вы можете взять один из этих кусочков торта, но не берите тот, что побольше, пожалуйста”, — он понимает, что он должен делать». Подробнее об этом см.: Gombay A. Imperative Inference and Disjunction. P. 61–62; Bar-Hillel Y. Imperative Inference. P. 79–80.

²³ Rescher N., Robison J. Can One Infer Commands from Commands? // Analysis. 1964. N 24.5. P. 179.

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

тивных высказываний в некотором формализованном языке посредством четко описанной процедуры, предварительно ограничив область исследования каким-нибудь одним видом императивов, например, командами. Без этого базиса никакое продвижение вперед невозможно.

Нельзя не согласиться с большинством замечаний Бар-Хиллела, указывающих на методологические недостатки проектов императивной логики. Трудно спорить и с оценкой итога исследований этого периода. Заметим все же, что ни Хейра, ни Росса, ни Кенни нельзя упрекнуть в игнорировании различия, существующего между актами осуществления высказывания и самим высказыванием, его логической характеристикой. Хейр именно через попытку разграничения акта осуществления императива и последующей оценки его как выполненного или невыполненного, пытается преодолеть парадокс Росса. Росс, говоря о необходимости различать значение императива и сам факт его осуществления, который не может быть приравнен к этому значению, приходит к идее логики удовлетворения и логики субъективной обоснованности. Кенни, косвенно, также учитывает это различие, основывая свою «зеркальную» императивную логику именно на логике удовлетворения Росса.

Каждый, кто стремился создать логику императивов, приступал к формулировке правил вывода. Однако отсутствие явного источника этих правил, чрезмерные надежды на «содержательную интерпретацию» в ущерб формальной составляющей исследования в конце концов обернулись неудачей, так как общее правило, имеющее лишь содержательный критерий как свое единственное основание, чрезвычайно легко опровергнуть путем подбора конкретного контрпримера. Начиная лишь с середины 70-х годов интуиции в отношении императивов, накопленные за предшествующий двадцатилетний период, оформляются в действительно логическую теорию благодаря использованию методов формализации.

5. Три следствия полной аналогии между логикой императивов и классической логикой

Несмотря на далеко не впечатляющие результаты исследований этого периода, можно поставить под сомнение тезис о несостоятельности неформальных методов в отношении императивов. Укажем на существенные ошибки, послужившие в той или иной мере причиной всех или большинства неудач.

Идея возможности самостоятельной логики императивов с самого момента ее зарождения предполагала развитие в границах классической логики, с подчинением всем ее законам. Эта полная аналогия между возможной логикой императивов и существующей логикой описательных предложений имеет диалектическую природу: с одной стороны, логика императивов создается как реакция на засилье дескриптивизма и, следовательно, в силу своего предмета стремится быть максимально не похожей на «обычную» логику; с другой стороны, методологический и логический ресурсы создаваемой теории черпаются почти полностью из источников теории-антагониста. В каждом проекте эта аналогия являет себя по-своему, но в каждом из них ее присутствие неизменно, как неизменны те негативные следствия, которые оно оказывает на результат.

Главным проявлением полной аналогии между императивной и классической логикой будем считать установку параллелизма — стремление уподобить императивы описательным предложениям. Крайний параллелизм Хейра вообще не предполагал конструирования каких бы то ни было промежуточных звеньев, связывающих императивы и описательные предложения. Умеренный параллелизм Дубислава связывал императивы с описательными предложениями через конвенциональную процедуру уподобления императивной характеристики «исполнен/не исполнен» характеристике «истинно/ложно», допуская тем самым некоторое минимальное их различие. Эту идею подхватывают сначала А. Хофшtedтер и Дж. Маккинси²⁴, а затем Росс, когда пытается сконструировать на основе базового определения умеренного параллелизма законы императивной логики, вторящие законам логики описательных предложений.

Попытки избавиться от установки параллелизма приводят Росса и несколько позднее Кенни к осознанию необходимости конструирования теории императивов, не изоморфной в части своих логических законов классической логике. Заметим, что исторически развитие логики императивов оказывается движением в сторону от классической логики, тем не менее каждый исследователь возвращается туда, откуда он начинал свой путь. Анализ показал (части 1, 2 и 3 настоящей статьи), что большинство теорий императивного вывода так и не были реализованы должным образом — класс логических законов, которые они предлагают, составлен отчасти из тривиальных формул и отчасти из формул, следствием которых являются парадоксы.

Вторым следствием аналогии оказывается (навязчивая) идея использования истинностно-функциональных связей в отношении императивов. Дело даже не том, что императивы не могут быть оценены как истинные или ложные, и, следовательно, к ним не применимы истинностно-функциональные связки классической логики, а в том, что эта интерпретация связей не годится в отношении императивов так же, как не годится и любая другая интерпретация (например, та, которая предлагает выводить успешность сложного императива из успешности его составляющих). На практике мы не сочетаем императивы логическими союзами \wedge , \vee , \rightarrow и т. п.; подобную иллюзию рождает использование союзов естественного языка — и, или, если... то, — совместно с императивами, по отношению к которым пропозициональные связки являются абстракцией с ограниченными возможностями применения. О той разнице, которая существует между естественным языком и языком-объектом классической логики и которая принесла столько хлопот тем, кто, работая над проектом императивной логики, пытался ее не замечать, нам забывать не следует.

Наконец, в-третьих, к ошибкам-следствиям полной аналогии отнесем неверное, на наш взгляд и, главное, контрпродуктивное в отношении попыток создания правил следования (или правил поведения) императивов представление о двусоставной природе императива, которое, в совокупности с идеей использования пропозициональных связей, оправдывало в глазах теоретиков императивной логики существование таких абстракций, как $\neg(A \wedge B)$ или, например, $\neg(A \vee B)$, на практике неотличимых от

²⁴ См.: Hofstadter A., McKinsey J. C. C. On the Logic of Imperatives // Philosophy of Science. Vol. 6. 1939. N 4. P. 446–457.

($\neg A \wedge \neg B$) и ($\neg A \vee \neg B$) соответственно. Работая над созданием логики императивов следует придерживаться монистической трактовки императива: $\neg A$ есть «атомарное высказывание» языка будущей теории.

6. Правила для императивов как действий

Императивы — это прежде всего действия. И если результаты этих действий и могут быть зафиксированы с помощью повествовательных предложений, которые, в свою очередь, можно соединять пропозициональными связками, то это еще не означает, что подобные операции можно производить и с самими императивами. Императивы как действия могут: быть осуществленными; поддерживаться другими императивами или вступать с ними в конфликт, когда один императив осуществляется с целью минимизировать или полностью уничтожить последствия осуществления (и, может быть, исполнения) другого императива; выстраиваться в последовательность, когда один императив произносится после другого и в связи с другим императивом, или, напротив, быть независимыми друг от друга; они могут повторяться; быть равносильными; противоречить друг другу; побуждать адресата к выполнению некоторого конкретного действия или предоставлять ему выбор из нескольких действий; они могут выступать условием для чего-то другого или сами быть обусловлены чем-то: ситуацией или другим действием, речевым или не речевым. Все это свидетельствует о том, что к императивам как действиям должен быть выработан совершенно другой подход, исключающий полную аналогию с классической логикой и ее законами.

В отношении основных способов взаимодействия императивов друг с другом, лишь внешне похожих на то, как если бы они соединялись пропозициональными связками, можно сформулировать несколько правил, указывающих, каким образом следует использовать отношения между императивами для достижения желаемого коммуникативного и иного, связанного с изменением реального положения дел, эффекта.

То, что предлагалось рассматривать как отрицание императива — $\neg A$ или $\neg A$ в соответствии, вероятно, с ошибочным и, несомненно, проблематичным представлением о двусоставной структуре императива, следует воспринимать в соответствии с предложенной монистической его трактовкой как отмену команды, распоряжения или просьбы. Существуют определенные обществом формулы, прибегая к которым, мы можем недвусмысленным образом дать собеседнику понять, что не хотим от него осуществления объявленного нами $\neg A$.

От аналогии с конъюнкцией следует отказаться не только на основе общих соображений неприемлемости аналогий как таковых между императивами и описательными предложениями, но и потому, что конъюнкция в случае императивов, в соответствии с тем основным логическим смыслом, который она в себе несет, предполагала бы их одновременное исполнение. Вместе с тем, осуществляя $\neg A$, а затем $\neg B$, говорящий лишь располагает их последовательно во времени — один после другого — возможно, тем самым давая понять слушающему (адресату императивов), что их исполнение должно соответствовать порядку их осуществления. При этом, разумеется, никакой логический переход от композиции $\neg A$ и $\neg B$ к одному из них, например к $\neg A$, аналогичный

правилу удаления конъюнкции, невозможен, так как, утверждая наличие !А, мы тем самым утверждаем то, что имеет место только !А, при том, что !В отсутствует. Отказ от конъюнкции в пользу представления о последовательном во времени осуществлении императивов позволяет сформулировать правило, регулирующее корректное введение в процесс коммуникации последовательностей !А, !В, !С,...: осуществляя несколько императивных высказываний, заботьтесь о том, чтобы их адресат имел четкое представление о том, в какой последовательности их следует исполнять.

«Дизъюнкция» императивов на практике является выбором, который предоставляет говорящий, заявляя о том, что он требует от слушающего выполнения одного или другого. Это та же последовательность, что и в предыдущем случае, но снабженная возможностью отмены одного или нескольких императивов самим адресатом; эта возможность конституирована тем, кто осуществляет императивы — она позволяет адресату отказаться от одного из них и сделать его тем самым как бы не осуществленным.

Допустим, некоторые из этих отношений, в которые вступают императивы, можно признать подобными отношению следования классической логики вот в каком смысле: на практике встречаются ситуации, когда в силу ранее принятых условий или обязательств произнесение одного считается в некотором заранее определенном контексте произнесением другого. Используя понятие следования как метафору, можно сказать, что !В возникает как осуществленный в тот момент, когда один участник коммуникации ставит другого в известность о том, что наступило некоторое А, где А есть необходимое и достаточное условие осуществления !В. Тем самым !В признается как бы осуществленным — тем, что на самом деле не было осуществлено, но тем, что выполняет определенную коммуникативную функцию, и тем, что действует, а значит, в некотором смысле и существует. Таким образом, в силу того, что наличие А является для участников коммуникации в соответствии с заранее оговоренным правилом условием для того, чтобы принять !В, указание на А влечет с необходимостью требование о том, что !В должно быть принято, как если бы оно было осуществлено. Однако вопреки тому, о чем говорило большинство исследователей императивов, признавая реальное осуществление одного императива, выведенное из реального осуществления другого, само !В при этом не является реально осуществленным — его существование можно уподобить существованию опущенного заключения в энтимеме.

Так как обусловленность императива чем-то другим — императивом или, скорее, описательным предложением, часто достаточно неоднозначно воспринимается участниками коммуникации, одни убеждены в том, что обусловленность !В некоторым А имеет место, другие отрицают подобное положение дел (это означает, что и объективное существование смысла такой обусловленности, конституирующее возможную логическую норму в отношении императива, следует поставить под сомнение, так как он — смысл, рожденный пониманием, существует не для всех), то правило, регулирующее включение подобного отношения можно сформулировать так: всегда стремитесь осуществлять императив явным образом, эксплицитно; не допускайте неадекватного вашим целям толкования имплицитного императива со стороны его адресата; в случае конфронтации предполагайте по умолчанию, что будет иметь место неверное толкование вашего имплицитного императива. Так, родителю лучше сразу

ЛОГИКА СЕГОДНЯ

осуществить эксплицитный императив «Надень шапку», чем уповать на то, что поиск следствия из утверждения «На улице холодно», отданный на собственное усмотрение ребенка, закончится в соответствии с целями осуществленного императива, и императив «Надень шапку» будет успешно найден.

Равносильность императивов означает их взаимозаменяемость (в некотором контексте). Мы все сообразуем свои действия с законами здравого смысла. Так, например, к области здравого смысла, вероятно, принадлежит мысль о том, что для того, чтобы не опоздать, нужно выйти из дома вовремя. Если это знание разделяют говорящий и слушающий, то для них императив «Не опаздывай» будет, конечно, означать «Выйди вовремя» (равным образом верно и обратное). Сказать !А в данном случае равносильно тому, как если бы было осуществлено !В. При этом равносильность !А и !В есть равносильность именно осуществленных императивов, но не исполненных: вполне возможно, что даже если вы выйдете вовремя, вы все равно опоздаете, однако это никоим образом не разрушает равенства осуществленного (!А) и тем самым как-бы-осуществленного (!В) императива — по-прежнему, несмотря на сосуществование фактов опоздания и того, что вы вышли вовремя, произнося одно, автор императива, опираясь на общий всем разумным существам здравый смысл, как бы заявлял и нечто другое.

Правило-рекомендация относительно использования этого свойства императивов можно сформулировать так: осуществляя !А, равносильное !В, и имея в виду в том числе это !В как-бы-осуществленным, позаботьтесь о том, что знание, позволяющее вам уравнивать в своей коммуникативной функции !А и !В, разделит с вами адресат !А.

* * *

Отказавшись от полной аналогии императивов и классической логики, предложив рассматривать императивы как действия, разграничив при этом факт осуществления императива и факт его исполнения (что дало возможность избавиться от деструктивного, порождающего парадоксы, параллелизма), мы пришли к необходимости формулировки правил успешного взаимодействия при употреблении императивов. Нами предложены правило в отношении осуществления последовательности императивов, не связанной с возможностью их отмены, правило для имплицитного императива (императивной энтимемы) и равносильных императивов. Ни одно из них не является дедуктивной схемой для императива, которая утверждала бы императивную логику в праве на существование; для каждого из них, вероятно, достаточно легко найти контрпример. Таким образом, эти правила есть лишь рекомендации общего характера, цель которых напоминает цель знаменитых прагматических правил рационального общения Г. П. Грайса. В создании исчерпывающего списка правил для употребления императивов мы видим решение дилеммы Йоргенсена, исполненное неформальными средствами.